

Глава 16

Союзники и враги: образы англичан и немцев в восприятии российского общества в годы Первой мировой войны

Чикалова И.Р.

В начале двадцатого столетия, когда столкновение интересов великих европейских держав неотвратимо вело к большой войне, перед российской дипломатией остро встал вопрос о союзниках. И если союз России с Францией представлялся естественным, был позитивно воспринят общественностью, целесообразность его не подвергалась критике, и вплоть до Октябрьской революции 1917 г. вопрос об изменении характера российско-французских отношений не поднимался, то иначе дело обстояло с Великобританией и Германией.

Что касается Великобритании, отношения с ней на государственном уровне, в отличие от русско-французских, зачастую были крайне недружественными, во многих международных конфликтах крайне напряженными, а российское общественное мнение относительно перспектив и последствий укрепления военно-политических связей с ней полярно расколото. В общественном сознании отчетливо проявлялись как пробританские, так и антибританские настроения, каждое из течений, англофильское и англофобское, характеризовалось своими политическими пристрастиями, культурными предпочтениями и экономическими интересами, в той или иной степени влиявшими на внешнюю политику и векторы ее развития, отнюдь не постоянные и в зависимости от обстоятельств менявшие свое направление.

Многие представители российской интеллигенции активно поддерживали укрепление связей с Великобританией, страной, которая накопила богатейшие традиции в гумани-

тарной сфере и охотно делилась ими с иностранцами. Этим широко пользовались подданные Российской империи. Постоянный интерес к себе вызывала британская литература, с ее новинками знакомили журналы. По меткому замечанию М.Е. Сороки, «зная Англию по книгам и понаслышке, сентиментальные англофилы в своем воображении наделяли далекую страну теми качествами, которых им так не доставало на родине: уважение к человеческой личности, скрупулезная честность, справедливость разумных законов, сочувствие слабым и обездоленным. Те, кто сомневались в себе или в России и искали путей к самосовершенствованию, рано или поздно открывали английскую философию»¹. Но не только философию.

Поучительный опыт развития и модернизации Великобритании (ее политическая история; проблемы конституционализма, парламентаризма, разделения властей и прав человека; колониальная политика и становление доминионов; социальные аспекты жизни, трудовые права, профессиональная самоорганизация рабочих, движение за женское равноправие; градостроительство и быт; народное образование от начального до университетского) раскрывался в работах, рассчитанных на широкого читателя. Вне конкуренции в этом отношении был неутомимый и страстный популяризатор английских общественных институтов и успехов британских доминионов П.Г. Мижув, которого все эти темы интересовали не сами по себе, он постоянно проводил сравнения с российской действительностью, и английский опыт выступал у него тем образцом, который полезно перенять и в России². Англomania Мижуева могла выглядеть даже чрезмерной в глазах самих симпатизантов Англии. «Правда, нам кажется, что местами автор слишком уж восторженно относится к Англии», — отметил молодой тогда Е.В. Тарле в рецензии

---

¹ Сорока М.Е. «Просвещенные мореплаватели»: англичане в восприятии русских до и во время Первой мировой войны // *Российская история*. 2010. № 5. С. 49.

² См. Чикалова И.Р. Знаток англо-саксонского мира Павел Григорьевич Мижув // *Чикалова И.Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX — начало XX в.)*. СПб., 2017. С. 314–361.

на одну из его книг. И далее: «Мижув увлекается, действительно, высоким государственным смыслом великого народа, который создал и утвердил личную и политическую свободу, внес разум и человечески-достойную жизнь в самые глухие дебри земного шара. Не одного Мижуева охватывало (и может охватить) чувство, близкое к благоговению, от сравнения некоторых сторон английской истории и действительности — с историей и действительностью континентальными. Нужно только не давать этому чувству ослеплять себя»³.

Словом, англоманья была распространена, и, прежде всего, в среде либеральных интеллектуалов, тех, кто не просто любил английскую культуру, но ценил британскую политическую систему с ее традициями и институтами. Это о них говорил П.Н. Милуков, утверждая, что благодаря очеркам Дионео из Лондона «вся Россия следила за успехами прогрессивных идей в старой стране политической свободы»⁴. Российские книгоиздатели массово издавали английскую художественную, научную и техническую литературу, студенты приезжали в английские университеты для завершения обучения, ученые повышали квалификацию, а добившиеся международного признания сами получали научные отличия. Курс на сближение с Великобританией был поддержан значительной и наиболее активной частью образованного российского общества.

В то же время значительная часть российского общества за много лет до начала Великой войны была пропитана англофобией. Ее широкое распространение в обществе и устойчивый характер имели свои основания. Англофобию вызывало отрицание английского политического устройства, неприятие идеи английской модели конституционализма и парламентаризма, что побуждало консерваторов настороженно относиться к британской внешнеполитической стратегии и русско-английскому союзу из-за опасения

---

³ *Тарле Е.В.* [Рецензия]: П.Г. Мижув. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902 г. // Мир Божий. 1903. № 1. С. 74–75.

⁴ *Милуков П.Н.* Воспоминания (1859–1917): в 2 т. Нью-Йорк, 1955. Т. 1. С. 217.

гипотетически возможного перенесения английских политических порядков на российскую почву. Поэтому намерения улучшить отношения с Англией и установить с нею военно-политический союз в правительственных сферах и в кругах консервативно настроенной общественности разделяли далеко не все. В общественной памяти прочными были воспоминания о русско-британском враждебном противостоянии на протяжении всего XIX в. в Центральной Азии и на Среднем Востоке, Крымской войне, неприкрытой враждебности Великобритании в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Последующие англо-русские отношения также не были безоблачными: в Русско-японской войне 1904–1905 гг. антирусская политика поддержавшей Японию Англии давала основания для резкого недовольства и критических выступлений.

Консервативные периодические издания в эмоциональном ключе награждали Англию уничижительными эпитетами и метафорами: «цивилизация Лондонской биржи», «страна торгашей», «англичанка гадит», «коварный Альбион», «варвары». Инфицирование «микробом» англофобии было весьма токсичным. Главный редактор (в 1897–1907 гг.) монархической газеты «Московские ведомости» В.А. Грингмут писал: «Никогда англичане нас в своей дружбе не уверяли и всегда от души желали нам всякого зла»⁵. В таком же ключе характеризовал Англию стоявший у истоков создания монархического «Союза русского народа» В.М. Пуришкевич: «Англии нужна Россия, как тот кулак, который должен во что бы то ни стало столкнуться с кулаком немецким во славу ... английской гегемонии на море и сохранения за нею рынков мира. Результаты войны ей почти безразличны: разбитая Россия, вконец обезжизненная хотя бы и победившая Германия, — обе они вынут каштаны только для Англии»⁶.

Непримиримость англо-русских противоречий многие видные представители российской военно-политической

---

⁵ См.: *Грингмут В.А. Объединяйтесь русские люди* / Сост. А.Д. Степанов / Отв. ред. О. Платонов. М., 2008. С. 126.

⁶ Цит. по: *Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920)*. М.; СПб., 2011. С. 223.

элиты выводили из предположения о противостоянии морского (Англии) и континентального (России) государств. Дипломат и публицист Ю.С. Карцов утверждал: «С конца XVIII столетия, опасаясь усиления и соперничества России на море, Англия перестает быть другом России и становится ее врагом... исторический враг России — Англия»⁷, «государственные интересы России требуют союза не с Англией, а с Германией, ибо война России с Германией привела бы к печальным результатам, ослабила бы не только Россию, но даже и всю континентальную Европу, и мало того, — чрезмерно усилила бы господство Англии»⁸. Эту концепцию активно поддержали монархисты.

Позиция традиционалистов, выступавших за союз с Германией и развивавших идею континентального блока, была изложена лидером группы правых в Государственном совете П.Н. Дурново в записке императору Николаю II, поданной ему в феврале 1914 года⁹. «Центральным фактором переживаемого нами периода мировой истории, — писал Дурново, — является соперничество Англии и Германии. И трудно уловить какие-либо реальные выгоды, полученные Россией в результате сближения с Англией, которое в будущем неизбежно сулит вооруженное столкновение с Германией. <...> Жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств»¹⁰. Будущее для России Дурново видел в тесном сближении с Германией, примиренной с ней Францией и связанной с Россией оборонительным союзом Японии: «Такая лишенная всякой агрессивности по отношению к прочим государствам, политическая комбинация на долгие

---

⁷ См. *Карцев Ю. (Карцов)*. В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России). СПб., 1908. С. 16–17, 19.

⁸ *Карцов Ю.С.* Англия, Россия и Германия. Доклад 13 января 1912 г. в Главной палате Русского народного союза имени Михаила Архангела // Правые партии. 1911–1917 годы. В 2-х т. Т. 2. М., 1998. С. 96.

⁹ *Дурново П.Н.* Записка Дурново со вступительной статьей Мих. Павловича // Красная новь. Литературно-художественный и научно-публицистический журнал. 1922. № 6 (10). С. 178–199.

¹⁰ Там же. С. 182, 189, 190, 194, 199.

годы обеспечит мирное сожительство культурных наций, которому угрожают не воинственные замыслы Германии, как силится доказать английская дипломатия, а лишь вполне естественное стремление Англии во что бы то ни стало удержать ускользающее от нее господство над морями. В этом направлении, а не в бесплодных исканиях почвы для противоречащего самым своим существом нашим государственным видам и целям соглашения с Англией, и должны быть сосредоточены все усилия нашей дипломатии»¹¹. «Записка Дурново» была оставлена без ответа и отправлена в канцелярию.

При этом германофильские настроения в стране были достаточно сильны вплоть до начала Первой мировой войны. Это вполне объяснимо с учетом многовековых немецко-российских военных, экономических и культурных связей и наличия прочно обосновавшейся в России многочисленной немецкой диаспоры. В верхнем эшелоне государственной иерархии сказывались семейные отношения членов царствующих домов России и Германии. И только с приближением большой войны в публикациях периодической печати все большее место начали занимать материалы, формирующие образ Германии, как противника, и делающие прогнозы относительно характера будущих военных действий. В марте 1914 г. началась настоящая русско-германская «газетная война». И хотя, считая дальнейшее нагнетание напряженности несвоевременным, ведомства иностранных дел обоих государств приняли меры к прекращению полемики, «газетная война» способствовала нарастанию в общественном настроении (это относится как к Германии, так и к России) взаимных антипатий, психологически готовила массы к позитивному восприятию с позиций национального патриотизма предстоящее объявление войны.

Разворачивавшиеся военные события имели своим откликом появление множества публикаций, большей частью популярного характера, направленных на формирование соответствующего имиджа участников конфликта. «Он наш соратник, сподвижник, мы связаны с ним узами крови», —

---

¹¹ Там же. С. 199.

писал К.И. Чуковский на страницах «Нивы» об английском солдате¹². И, наоборот, — в отношении Германии и немцев. Теперь целенаправленные усилия должны были сформировать в массовом сознании образ врага. Начало было положено вбросом идеи о несовместимости «гуманистического» мировоззрения союзников и идеологии «германизма». 15 октября 1914 г. французский философ Эмиль Бутру опубликовал в парижском журнале «Revue des deux Mondes» письмо под заглавием «Германия и война». Оно сразу же было переведено и издано отдельной брошюрой на русском языке. Представляя брошюру, ее издатель писал: «Бутру противопоставляет мировоззрение латинских народов, мировоззрение гуманистическое и христианское, мировоззрению, господствующему ныне в Германии, в основе которого лежит апофеоз эгоизма и германизма»¹³.

Противопоставление «германизма» врагов и «гуманизма» союзников стало рефреном множества вышедших в России публикаций. Это были отдельные издания и серии брошюр «для народа», — например, цикл «Война и культура», издававшийся Исторической комиссией Общества распространения технических знаний. Ее редакторами были историки А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов, В.И. Пичета. Одна из брошюр, «Немецкая культура и война», была написана А.К. Дживелеговым¹⁴. В ней он попытался ответить на поставленные им самим вопросы: «Почему исчез без остатка старый германский рыцарский дух и появилось злое коварство? Почему высокая культурность оказалась маской, из-под которой глядит теперь на всех, оскаля зубы, чуть не первобытное варварство... Почему вспыхнувший было перед войной в рабочем классе порыв благородного идеализма погас так легко, и волны милитаристической горячки покатались из конца в конец по родине Канта, апостола вечного мира?»¹⁵. Ответы на эти вопросы Дживелегов ищет в истории Германии. Начиная с объединения в 1870 г., Германия, считает автор, преврати-

---

¹² Чуковский К. Англичане // Нива. 1915. № 16–17. С. 318.

¹³ Бутру Э. Германия и война. Пг., 1914. С. 2.

¹⁴ Дживелегов А.К. Немецкая культура и война. М., 1915.

¹⁵ Там же. С. 1–2.

лась в Великую Пруссию и сохранила в имперской конституции стиль военного государства — нигде милитаризм не был так тесно связан с самим духом государственности, как в Германии. Был преобразован сам дух бюргерства. «Ему, наученному покорно выносить все, дали почувствовать собственную силу: он стал наглым. Его, привыкшего постоянно терпеть поношения, сделали победителем: он проникся высокомерием. Его, еще недавно преклонявшегося перед культурой Франции, с триумфом провели через побежденную страну: он проникся верою в немецкий гений и в звезду Германии. Его, готовившегося наслаждаться миром, напугали идеей реванша и перспективой потери всех завоеванных благ: он сделался жесток»¹⁶. Эти качества, заключает Дживелегов, стали национальными, немец «возомнил себя царем мира».

В потоке публицистических (и не только) разоблачений немецкого коварства прочно обосновалась тема немецкого засилья в России, потенциального внутреннего предательства со стороны немецкой диаспоры и существования развернутой системы германского шпионажа. Тон ей задавал издатель массовой консервативной газеты «Новое время» Б.А. Суворин. В течение первых месяцев войны его газета ежедневно помещала в среднем по две статьи о немцах, проживающих на территории империи. Как пишет в своей работе Э. Лор, «это был буквально поток публикаций, обвинявших немецкое меньшинство в шпионаже, расселении согласно заранее составленному германскому колонизационному плану, захвате всех значительных постов в экономике, угнетении русских рабочих и открытых симпатиях к врагу»¹⁷.

Избавиться от «немецкого засилья в России», «защитить родину внутри страны», поставило задачей «Общество 1914 года». Объявив, что немцы приносят «огромный вред, как активные германские пособники и как шпионы, причем такими шпионами являются не отдельные, небольшие еди-

---

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. В. Макарова. М., 2012. С. 37.

ницы, а почти поголовно все немецкое население»¹⁸, оно развернуло активную пропагандистскую и практическую деятельность. «Мирное завоевание России немцами» — с таким докладом, сразу же опубликованным отдельной брошюрой, выступил на чрезвычайном общем собрании членов «Общества» 13 марта 1915 г. И.И. Сергеев¹⁹. В нем он утверждал, что к началу войны около 70 прибалтийских немцев с дворянскими титулами и российским подданством состояли на военной службе в Германии²⁰. «Золото Рейна» — в брошюре с таким названием сотрудник «Нового времени» А.М. Селитренников (псевдоним Андрей Ренников) на примере немцев-колонистов юго-запада России аккуратно подводил читателя к мысли, что все они являются агентами Германии²¹. С откровенно националистических позиций выражал надежду на конец немецкого влияния в России профессор Варшавского университета В.В. Есипов: «Пришел уже конец засилию немцев в России <...> Справилась Россия с алкогольным дурманом, справится и с дурманом немецким»²². Отказаться от иноземного влияния во всем, переименовать немецкие названия городов, очистить речь от немецких слов — предлагает Есипов на страницах первого выпуска сборника материалов, посвященных вопросу борьбы с т.н. «внутренней Германией». У сборника было весьма говорящее название — «Немецкое зло»²³.

Риторика националистов совпадала, — будь то профессура (не все же были либеральными кадетами), будь то представители генералитета. В числе ученых в своих фобиях особен-

---

¹⁸ *Поливанов Н.* О немецком засилии. 2-е изд. Пг.: книгоизд-во «Общество 1914 года», 1916. С. 2.

¹⁹ *Сергеев И.И.* Мирное завоевание России немцами / Доклад, прочитанный в чрезвычайном общем собрании членов «Общества 1914 года», 13 марта 1915 г. Пг., 1915.

²⁰ Там же. С. 59–60.

²¹ *Ренников А.* (Селитренников А.М.). Золото Рейна: О немцах в России. Пг., 1915.

²² *Есипов В.В.* Германцы. I. Жестокий народ. II. Жестокое право. Варшава, 1915. С. 7.

²³ *Есипов В.В.* Славяне и немцы // «Немецкое зло»: Сб. статей, посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». М., 1915–1917. Вып. 1. 1915. С. 21.

но усердствовал бывший ректор Варшавского университета П.И. Ковалевский. Он с «профессиональной» точки зрения психиатра ставил диагноз немецкой нации, «скотские чувства» которой «ныне даже усилились»: «чрезмерная жратва и широкое пьянство создали современного немца, тупого хищника, лжеца и бесстыдного», «поскоблите немца, он и ныне окажется варваром, и при том варваром низшего сорта, без чести, правды и порядочности», «порядочность для них — дело условное»²⁴. В состоянии антигерманской истерии, с чисто военной прямолинейностью генерал-майор Н. Поливанов утверждал: «Современный немец, где бы он ни проживал, — к Востоку или Западу от нашей границы, в одинаковой степени нравственный выродок, дегенерат, физическое существо без моральной подкладки, без чести, благородства и сердца»²⁵. Поэтому доверять никому нельзя. «Германский шпионаж является всепоглощающей организацией еще мирного времени, во главе которой стоят посольства и все консулы. Взглянув на карту немецкого расселения за последние 45 лет, мы прежде всего увидим, что немцы селятся по известному, строго разработанному военному плану: они окружили вражескими кольцами все наши крепости, заняли важнейшие переправы, усеяли колониями все главнейшие стратегические направления. Уже один только характер расселения сам по себе исключает всякую возможность считать колонистов лояльными, не говоря о вопиющих фактах»²⁶, — пишет Поливанов.

Эмоциональные утверждения о наличии всепроникающего германского шпионажа подкреплялись системным подбором фактов на страницах брошюр и даже книг. Примером в этом отношении была достаточно объемная книга «Немецкое шпионство», составленная, как указывалось в подзаголовке, по данным судебной практики и другим источникам

²⁴ Ковалевский П.И. Немцы — психологический очерк // Наши враги. Очерки / Ред. П.И. Ковалевский, С.Г. Сыромятников, А.М. Михайлов. Пг., 1915. Вып. 1. С. 6, 9, 14.

²⁵ Поливанов Н. О немецком засилии. 2-е изд. Пг., 1916. С. 8.

²⁶ Там же. С. 2–3.

помощником военного прокурора А.С. Резановым²⁷. На 336-ти страницах книги демонстрировались задачи, идеология (пангерманизм), цели, масштабы, организационные формы и методы немецкого шпионства в разных странах, в том числе в ходе уже развернувшейся войны. Автор приводит множество деталей, в том числе по использованию мирного населения в шпионской деятельности, формированию кадров шпионов из людей разного социального положения, роль в этом деле немцев-колонистов в России, особенно в прибалтийском крае. В ряде случаев он ссылается на переведенную на русский язык книгу о немецком шпионстве во Франции П. Лянуара²⁸, который, по словам ее переводчика, «настолько углубил и расширил исследование вопроса, что читателю представляется совершенно отчетливая картина всей системы германского шпионства»²⁹. Резанов не оставляет сомнений у читателя о том, что немецкое шпионство и накануне войны «преследовало значительно более широкие цели, выполняя задачи, поставленные не только германским генеральным штабом, но также и министерством иностранных дел. Вся внешняя политика немцев была основана на работе их шпионов, почему, исследуя эту область немецкой деятельности, порою бывает невозможно провести резкую черту между работой немецких политиков и немецких шпионов»³⁰. «К сожалению, кодекс немецкой морали для многих стал понятен только после того, как разразившаяся война сорвала фиговый листок со всех немецких действий. Правила международной чести немецкие политические и военные деятели считали глупыми предрассудками, удобными лишь для того, чтобы служить маской немецкой официальной подлости»³¹. Откуда же берется подобное пренебрежение нормами морали, задается вопросом Резанов. И сам на него отвечает: «Политики, ученые, публицисты, — одним словом, весь лагерь

²⁷ Немецкое шпионство: (Кн. сост. по данным судеб. практики и др. источникам) / А.С. Резанов, пом. воен. прокурора. Пг., 1915.

²⁸ Лянуар П. Немецкое шпионство во Франции / Пер с фр. Н.М. Лагова. СПб., 1910.

²⁹ От переводчика // Лянуар П. Немецкое шпионство во Франции. С. V.

³⁰ Немецкое шпионство. С. 61.

³¹ Там же. С. 62.

обнаглевших немцев, т.е. добрых $\frac{3}{4}$ современной Германии, считали, скажем недавними словами редактора “Zukunft’a” Гардена, что немцы — сверхнация, призванная господствовать над всем миром»³².

Уже начало войны показало, что немецко-австрийские войска не намерены придерживаться общепризнанных норм морали в отношении мирных граждан захваченных территорий, оберегать очаги и памятники мировой культуры, попавшие в зону военных действий. Вторгнувшись в Бельгию германские солдаты 25–27 августа 1914 г. подожгли и превратили в пепел университетский город Лёвен и его знаменитую богатейшую библиотеку, а затем, уже на территории Франции, 20 сентября обстреляли из артиллерии Реймский собор — выдающийся памятник архитектуры и место коронации практически всех французских монархов. Возмущение и осуждение вызывали не только варварские методы ведения войны, но и согласие с ними в Германии. Даже немецкие ученые в обращении «К культурному миру», подписанном 93 интеллектуалами, пытались защитить милитаризм и обосновать правомерность агрессии: это неправда, что Германия виновница войны, «неправда, будто наши войска безжалостно обрушились на гор. Лувен», «неправда, будто война ведется нами с нарушением требований международного права»³³. Мир эти оправдания не принял, расценив германских милитаристов как «современных тевтонов с новейшей техникой», «варваров XX века». Поднялся поток возмущений и протестов российских ученых не только в отношении методов германской армии, но в связи с позицией немецких интеллектуалов³⁴.

С первых дней войны прессу заполнил поток сообщений о недопустимом в цивилизованном государстве отношении

³² Там же. С. 62–63.

³³ Воззвание 93-х представителей к цивилизованному миру // Оправдания представителями германской интеллигенции нынешней войны и способа ее ведения Германией и Австро-Венгрией и Отповедь представителей интеллигенции во Франции, Англии и России / Изд. В.И. Адамович, засл. проф. Пг., 1915. С. 6, 8.

³⁴ Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны // ВИЕТ. 2014. № 3. С. 4–5.

к русским, которых война застала в Германии. В 1910 г. там проживало 137697 русских подданных³⁵. К началу войны их, видимо, было больше, но, сколько точно — трудно сказать. Говорили о нескольких сотнях тысяч русских, оказавшихся на германской территории к моменту объявления войны³⁶, и это близко к истине: по немецким данным, на территории Германии находились около 250 тысяч российских сезонных сельскохозяйственных рабочих. Они были интернированы.

В различных городах Германии, в том числе Берлине, оказалось множество русских, приехавших в Германию по делам предпринимательства, на учебу, отдых и курортное лечение³⁷. Таких на территории Германской империи летом 1914 г. оказалось не менее 40 тысяч. Эти люди относились к российской политической, военной, научной и культурной элите. В Германии накануне войны оказались многие видные сановники, генералы, профессора, адвокаты. Наиболее информированные вовремя уехали. Те, кто недооценил опасность и не успел, уже на третий день войны были задержаны и под контролем властей высланы из страны. Но случилось это не скоро, а путь домой оказался полон унижений и издевательств. К тому же многие мужчины призывного возраста вообще были интернированы и оставались в Германии до конца войны.

В российских газетных заметках и обличительных брошюрах приводились рассказы очевидцев о злоключениях интернированных представителей разных социальных слоев и профессиональных групп, в том числе деятелей науки и культуры. Составитель одной из них, М.А. Берг, в брошюре «Варварства германцев», ставшей доступной для читателей уже 8 августа 1914 г., привел свидетельства о злоключениях русских, вынужденных на территории Германии претерпевать издевательства и насилия, а подчас и быть жертвами убийств, совершенных не только обывателями, но даже

---

³⁵ Карманная энциклопедия войны 1914 года. Пг., 1914. С. 54.

³⁶ *Карабчевский Н.П.* Мирные пленники: В курортном плену у немцев: Впечатления и наблюдения. Пг., [1915]. С. 8.

³⁷ Список русских подданных, застигнутых войной за границей. Вып. I–IV / М-во иностр. дел. Пг., 1914.

солдатами и офицерами³⁸. Эта публикация не была единственной. В том же году на материалах прессы того времени А.С. Резанов выпустил сборник «Немецкие зверства»³⁹, тогда же и опять-таки на основе газетных материалов вышла «Черная книга немецких зверств»⁴⁰. Эмоциональное изложение событий, характерное для этих публикаций, не может быть основанием для игнорирования содержащейся в них информации. Факты сообщались очевидцами, а их было так много, что исключается сама мысль о возможной фальсификации. Тем более, что вышли не только брошюры с пересказом свидетельств очевидцев, но и книги, содержащие собственноручно написанные показания участников событий. Среди них выделяется сборник «В немецком плену» — воспоминания виднейших деятелей науки, культуры, государственных служащих, людей, не обремененных высокими званиями⁴¹. Чтобы составить представление о книге, два фрагмента из нее.

Профессор Московского университета И.М. Гольдштейн был задержан при попытке уехать из Германии и почти два месяца провел в плену в Росток: «Нас поместили в комнате размером 6×9 аршин. Здесь спасли на соломе вповалку 38 человек. Спасли вместе мужчины, женщины, дети, здоровые и больные. Все было грязно и отвратительно. Жалобы имели своим единственным последствием грубую ругань. При этом немцы неизменно добавляли: — Русские свиньи привыкли к грязи у себя дома. Эти свиньи были: русские врачи, профессора, сановники в чине тайного советника и т.д. <...> Больше всего меня возмущали издевательства немцев, которые развлекались тем, что на глазах толпы русских делали театральные приготовления к расстрелу. Раздавали солдатам боевые

³⁸ Варварства германцев / Сост. М.А. Берг. СПб., 1914.

³⁹ Резанов А.С. Немецкие зверства: Кн. сост. по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по офиц. документам. Пг., 1914; 2-е изд., доп. Пг., 1915.

⁴⁰ Черная книга германских зверств / Под ред. и со вступ. статьей д-ра М.В. Головинского. СПб., 1914.

⁴¹ В немецком плену: рассказы / Рассказы проф. Н. Кареева, К. Станиславского, А. Дживелегова, проф. И.М. Гольдштейна, Н. Сперанского, К. Мазинга, бывшего посла в Берлине С.Н. Свербеева, президента гор. Калиша Буковинского и др. М., 1915.

патроны, выкатывали пушку, выносили траурные катафалки и т.п. Конечно, с дамами делались истерики, да и мужчины чувствовали себя не очень хорошо»⁴². Посол России в Германии С.Н. Свербеев свидетельствует: «Я ехал впереди на автомобиле американского посла. Меня толпа не задела. Раздавались лишь враждебные возгласы. Но пассажиры следующих автомобилей были жестоко избиты толпой. Хотя Берлин официально опроверг факт избиения чинов русского посольства, но это было в действительности. Толпа избивала палками не только мужчин, но и дам. <...> В толпе, избивавшей русских, была не только берлинская чернь — преобладали интеллигенты. <...> В пути нам не было предоставлено никаких удобств, и нам отказывали даже в стакане воды»⁴³.

Подобными фактами изобилуют и воспоминания других участников эвакуации из Германии. Н.П. Карабчевский, выдающийся адвокат, председатель Петербургского совета присяжных поверенных, описал свои личные впечатления о вынужденном пребывании в стране, с началом войны ставшей враждебной⁴⁴. Его первым шоком стало внезапное осознание краха казалось бы незыблемой формулы: право выше силы. «Пока многие годы мы дивились показной германской культуре, пока систематически заполняли все его курорты и самые нехитрые неудобные закоулки, немцы аккуратно, настойчиво, с лакейской обстоятельностью грабили нас на многие миллионы.<...> На своих “курортных гостей” Немцы так и смотрели: варвары ежегодно несут установленную дань германской культуре»⁴⁵. С началом войны все изменилось: «курортные гости» превратились в «цивильных пленных». Соответственно стало иным и отношение к русским: из предупредительного до угодничества моментально трансформировалось в оскорбительное, унижающее человеческое достоинство, сопровождаемое психическим и физическим насилием,

---

⁴² Проф. М. Гольдштейн в плену // В немецком плену: рассказы. С. 62–63.

⁴³ Из Германии в Россию. Рассказ нашего бывшего посла в Берлине С.Н. Свербеева // В немецком плену: рассказы. С. 79.

⁴⁴ Карабчевский Н.П. Мирные пленники: В курортном плену у немцев: Впечатления и наблюдения. Пг., [1915].

⁴⁵ Там же. С. 8.

необоснованными обвинениями в шпионаже и арестах. Собственно, об этом вся книга.

Если злоключения выезжавших из воюющей Германии ограничивались «всего лишь» унижением, издевательствами и побоями, то судьба населения оккупированных немецкой армией территорий была трагичной. Буковинский, президент г. Калиша, центра Калишской губернии Царства Польского, рассказал о гибели возглавлявшегося им города и его жителей. Тотчас после захвата города последовал приказ: «доставить для 820 человек продовольствие, состоящее из кофе, мяса и хлеба». Это было только начало: «На следующий день немцами была конфискована городская касса, из которой забрали около 30-ти тыс. наличными». Город пережил бы грабеж, но под предлогом защиты от какой-то неизвестной колонны «в течение 15-ти минут весь немецкий отряд выступил на улицы в полной боевой готовности, и спустя несколько минут раздались выстрелы из ружей и пулеметов. Стрельба с минуты на минуту усиливалась, и, как оказалось, жертвами этой стрельбы пали до 400 невинных жителей города». Затем «все имущество, все продукты, мебель, платья — все, что представляло какую-нибудь ценность, было вывезено немцами на фурах, принудительно доставляемых окрестными помещиками и крестьянами в Германию. Ограбленные же дома впоследствии были сожжены. <...> Убивали целые семьи, не щадили ни маленьких детей, ни женщин»⁴⁶.

Названные и другие подобные им публикации оперативно развенчивали германофильство. Такую же роль играли публикации, основанные на персональном опыте пребывания в плену. Военный врач М.П. Базилевич собрал и письменными показаниями очевидцев закрепил бессчетные случаи нарушения международных норм содержания военнопленных. Лично пережитое в лагере и показания еще 110 военных врачей, оказавшихся в таком же положении, и составили содержание книги о жизни русских солдат и офицеров в плену. Базилевич пишет: «То, что мы увидели, то, что нам пришлось

---

⁴⁶ На развалинах Калиша. Рассказ президента г. Калиша Буковинского // В немецком плену: рассказы. С. 118, 122, 124.

переживать, свидетелями каких страданий и унижений человеческого достоинства нам пришлось быть в долгие годы плена, живя в различных солдатских лагерях и рабочих командах, рассеянных по всей Германии, превосходило не только всякую смелую, но просто большую фантазию». И далее следуют более 200-х страниц показаний, лично написанных военнопленными. В них свидетельства ужасающих условий содержания, следствием чего стала массовая гибель от голода, эпидемий, истязаний и непосильного труда. По подсчетам Базилевича в лагерях число умерших «уже теперь нужно исчислять не менее как в 400000 человек»⁴⁷. Надо сказать, опубликованные по горячим следам рассказы военнопленных многочисленны, и все они отличаются лишь местом действия, но ни одно не свидетельствует о цивилизованном отношении в лагерях к солдатам и офицерам русской армии. Собственно, таким же оно было и по отношению к гражданским лицам, имевшим несчастье попасть в жернова германской административной или правовой системы.

Трансформации образа Германии и немцев в варваров XX века способствовало обнародование преступлений немецких солдат на занятых территориях. О них быстро становилось известно общественности. К сбору информации подключились правительственные учреждения России и Франции. В обеих странах были созданы комиссии для расследования нарушений законов и обычаев ведения войны войсками противника. Документы французской комиссии, расследовавшей преступления германской армии на территории занятых департаментов Франции, были переведены на русский язык и опубликованы в 1915 г.⁴⁸ То, что нашли местные жители после ухода немецких войск, отбро-

---

⁴⁷ Базилевич М.П. Положение русских пленных в Германии и отношение германцев к населению занятых ими областей Царства Польского и Литвы: (материалы, собранные М.П. Базилевичем в плену и среди 110 вернувшихся из плена русских врачей). Пг., 1917. С. 3–4.

⁴⁸ Организованные преступления германской армии / Полный пер. с фр. Н.М. Лагова. Пг., 1915; Германские зверства: Официальный отчет французской комиссии для обследования действий неприятеля, нарушающих постановления международного права / перевод с франц., с пред. В. Саблера. Пг., 1915.

шенных на сотню километров после битвы на Марне, «представляло собой картину такого опустошения и носило следы таких зверств, подобно коим нельзя найти на протяжении всей современной истории; когда же к этим немым свидетелям присоединились голоса пришедших в себя невольных очевидцев всего здесь происходившего под гнетом “культурных” германцев, то из всего этого получилась такая, поистине ужасающая картина, которой до сих пор не могло, отказывалось допустить самое смелое, даже самое разнузданное воображение»⁴⁹. Два тома документов о преступлениях, совершенных в течение апреля — декабря 1915 года немецкими, австрийскими, турецкими и болгарскими войсками на оккупированных территориях, выпустила российская Чрезвычайная следственная комиссия⁵⁰. К ним добавился еще один сборник показаний, изданный в 1917 г.⁵¹ Свидетели рассказывали о грабежах, о принудительном труде, об изощренных наказаниях, о травле собаками и расстрелах, об особо жестоком обращении с казаками.

Одновременно война сделала актуальной задачу укрепления доверия российского общества к Великобритании, как союзнице в общей борьбе с германским блоком. Работа в этом направлении виделась необходимой, ибо в сознании российского общества с самого начала войны присутствовало и такое настроение: «союзники не понимают и не хотят понять Россию». З.Н. Гиппиус записала в своем дневнике в апреле 1915 г.: «Я люблю англичан. Но я так ярко понимаю, что они нас не понимают (и не очень хотят)»⁵². В ходе войны подобные настроения усиливались, получали новые подтверждения и только подогревали недоверие к союзникам. Поэтому пропаганда работала, хотя с гораздо меньшей интенсивностью в сравнении с германским направлением, и над «формированием

⁴⁹ От переводчика // Организованные преступления германской армии... С. 5.

⁵⁰ «Наши враги»: Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии с 29 апреля 1915 года по 1 января 1916 года [в 2 т.]. Пг., 1916.

⁵¹ Наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии: (По доп. сведениям) / Чрезв. следственная комис. Пг., 1917.

⁵² Гиппиус З.Н. Петербургские дневники. 1914–1919. М., 1990. С. 33.

позитивного и достаточно наглядного образа союзника»⁵³, с которым, как восторженно писал К.И. Чуковский, «мы связаны ... узами крови»⁵⁴. При этом, для огромного числа россиян знакомство с Англией и англичанами было заочным, шанс встретиться с настоящим англичанином был невелик, и их представления о стране и ее жителях черпались не из личных наблюдений и были во многом мифологизированными.

Свою лепту в дело борьбы с недоверием к Англии внесли интеллектуалы. В апреле 1915 г. в Москве было основано «Общество сближения с Англией» во главе с М.М. Ковалевским, а после его кончины — П.Г. Виноградовым⁵⁵. На торжественном заседании по поводу открытия общества присутствовали видные общественные деятели, ученые. Их выступления были изданы отдельной брошюрой. В предисловии к ней А.К. Дживелегов отмечал: «Интересы, которые связывают в настоящий момент Россию и Англию, огромны. Они только не осознаются всеми. В мало сознательной части русского народа сидит еще старое недоверие, продукт Русско-турецкой войны и Берлинского конгресса, представление о том, что “англичанка гадит”. Эти настроения постепенно сжигаются в боевом огне и заменяются прямо противоположными. Но имеются более устойчивые настроения, враждебные Англии, и природа их такова, что их не истребит никакой пламень. Это — настроения германофильских реакционных кругов. ... Этих противников Англии, конечно, невозможно убедить в том, что сближение с “коварным Альбионом” даст прекрасные плоды для России. Для России — не значит: для них»⁵⁶. Присутствовал на заседании и депутат Государственной Думы Ф.И. Родичев. «Симпатии между Англией и русским

⁵³ Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008.

⁵⁴ Чуковский К. Англичане // Нива. 1915. № 16–17. С. 318.

⁵⁵ Отчет о деятельности Общества сближения с Англией: 1 год. 22 мая 1915 г. 1 нояб. 1916 г. М., 1917; Кропоткин П.А. О современной Англии // Вестник Общества сближения с Англией / под ред. П.А. Кропоткина. [Вып. 1 и единств.]. М., Февраль 1918 г.

⁵⁶ Россия и Англия. Речи, произнесенные на торжественном открытии Общества сближения с Англией в Москве, 22 мая 1915 года. Под ред. и с предисловием А.К. Дживелегова. М., 1915. С. 4.

обществом плод недавнего сравнительно прошлого, но корни их глубоки и прочны, — утверждал он в своем выступлении, — и на всем последующем протяжении нашей общественной жизни отчетливо обозначилось совпадение усиления этих симпатий и английского культурного влияния с подъемами русской освободительной волны»⁵⁷. В Петрограде чуть более года просуществовало «Общество английского флага», позднее переименованное в «Русско-английское общество» (ноябрь 1915 — февраль 1917). Создание этих организаций, если прямо и не влияло на увеличение информационного потока, то все же было знаковым сигналом о желательности продолжения традиций издания книжной, журнальной и газетной продукции, рассказывающей об Англии.

На конструирование положительного образа военной союзницы работали не только популярные, но и вполне научные издания (естественно, подготовленные в предшествующий войне период). В основе увидевшей свет в 1916 г. книги М.Я. Острогорского «Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека»⁵⁸, была серия его статей, опубликованных ранее в «Вестнике Европы». Была переиздана книга Д.М. Петрушевского «Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века»⁵⁹, появившаяся «весьма своевременно ввиду ожидаемого оживления интереса в обществе к внутреннему строю жизни наших теперешних союзников, в частности, может быть, и к их конституциям»⁶⁰. Собственно такая оценка отвечает и значению выхода в России работы американского ученого, президента Гарвардского университета А.Л. Лоуэлла⁶¹. Книга охватывала не только основы политического устройства, но и историю и организацию политических партий, местное самоуправление, народное

⁵⁷ Там же. С. 16.

⁵⁸ *Острогорский М.* Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. Пг., 1916.

⁵⁹ *Петрушевский Д.М.* Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. М., 1915.

⁶⁰ Библиографический листок // Вестник Европы. 1915. Кн. 8. С. 421–422.

⁶¹ *Лоуэлль А.Л.* Государственный строй Англии. Т. 1 / Пер. с англ. М. Языковой; Под ред. и с предисл. Ф. Кокошкина. М., 1915.

образование, церковное управление, устройство колоний, организацию и деятельность судов. Эти темы рассматривались в том числе в плане влияния государственных институтов на общественно-политическую жизнь страны. Знакомство с трудом Лоуэлла «необходимо для русских читателей» — писал рецензент в «Юридическом вестнике»⁶². В монографии С.А. Корфа «Автономные колонии Великобритании» впервые были системно показаны характерные черты государственного строя Британской империи и динамика взаимоотношений метрополии и периферии, политическое устройство доминионов, особенности местного самоуправления в доминионах. «Юридический вестник» поместил на нее хвалебную рецензию И.В. Лебединского, в которой тот резюмировал: «Среди нашей литературы, посвященной государственным соединениям <...> книга бар. Корфа займет выдающееся место и будет способствовать ознакомлению с вопросами федерального устройства <...> широкими кругами читающей публики»⁶³.

Тем более, работали на разворот общественного мнения в сторону союзницы рассчитанные на массового читателя брошюра Э.К. Пименовой «Англия накануне войны»⁶⁴, книга Г.Я. Виллиама «Англия и англичане»⁶⁵. Лейтмотивом последней стало видение военной союзницы как страны свободы и порядка. О благоприятных условиях жизни англичан, комфорте, изобилии зеленых насаждений в городах и их окрестностях рассказывала хорошо проиллюстрированная книга П.Г. Мижужева «Сады-города и жилищный вопрос в Англии»⁶⁶: в стране-союзнице в ближайшем будущем становилось государственной целью достижение нового идеала хабитуса — частные городские дома на одну семью с палисадником и садом не только для зажиточных горожан, но и для рабочего класса.

⁶² *Шацкий Б.* [Рецензия]: А.Л. Лоуэлли. Государственный строй Англии. Т. 1 // Юридический вестник. 1915. Кн. X (II). С. 273.

⁶³ *Лебединский И.* [Рецензия]: Барон С.А. Корф. Автономные колонии Великобритании. Санкт-Петербург, 1914 // Юридический вестник. 1914. Кн. V (I) — VI (II). С. 325.

⁶⁴ *Пименова Э.К.* Англия накануне войны. М., 1914.

⁶⁵ *Виллиам Г.* Англия и англичане. М.; Пг., 1915.

⁶⁶ *Мижувев П.Г.* Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг., 1916.

Общественно-политические журналы накануне и в годы войны переполнены материалами, посвященными политической союзнице. Среди них выделяются как собственно научные изыскания, примером чему являются статьи И.И. Любименко в «Журнале министерства народного просвещения» и в «Русской мысли», посвященные русско-английским связям второй половины XVI–XVII вв., так и популярные очерки. Например, на страницах «Исторического вестника» появилось подробное описание визита в Кембриджский университет группы российских подданных. Вполне доброжелательный очерк за подписью «К.И. Цветков» был проиллюстрирован фотографиями и изобиловал интересными для русского читателя наблюдениями и детальными подробностями жизни студенческой и профессорской университетской корпорации Кембриджа. Продолжили активную работу широко известные по довоенным публикациям лондонские корреспонденты российских газет и журналов, в частности, Дионео. Ранее опубликованные им в журналах очерки составили двухтомник «Меняющаяся Англия»⁶⁷. Сборник, ставший ответом на возросший интерес в России к жизни страны-союзницы, был хорошо прорекламирован и настойчиво рекомендовался читателям. «Мы с увлечением читаем Дионео, влюбившего нас в англичан, сделавшего своими статьями и книгами для союза России и Англии больше, чем все дипломаты», — писал о нем К.И. Чуковский⁶⁸.

Публицисты, не только Дионео, но и другие, внесли особую лепту в конструирование весьма идеализированного образа воюющего союзника. В конце 1915 г. К.И. Чуковский опубликовал, выдержавшую за следующий год еще два переиздания, книгу «Заговорили молчавшие. Англичане и война». Мотивы создания книги автор объяснил в предисловии к ее первому изданию: «Мы, русские интеллигенты, до всяких официальных трактатов, давно уже в союзе с англичанами: английская литература, поэзия, живопись, не говоря уже о гениальной английской гражданственности, чаруют нас магнетически с юности. <...> Но широкие круги, обыватели,

⁶⁷ Дионео. Меняющаяся Англия. В двух частях. М., 1914–1915. Ч. I–II.

⁶⁸ Чуковский К. Заговорили молчавшие (Англичане и война). 3-е изд. Пг., 1916. С. 3.

не знают и чуждаются Англии. Они все еще по старой привычке перешептываются о “коварном Альбионе”. Моя книжка предназначена для них... Задача этой незатейливой книжки — привлечь к английскому народу симпатии тех широких обывательских кругов, которым наша бульварная пресса внушала из года в год о британских интригах и кознях»⁶⁹.

В книге страна и народ с их традициями, обычаями, нравами показаны через письма британских солдат. Именно этот замысел и определил содержание 16 глав книги — англичане на войне в зеркале писем с фронта: «Я вчитываюсь в эти английские письма. Конечно, они разноголосы и пестры, ибо так различны писавшие их, но все они сливаются в одно, и если читать их подряд, сотнями и сотнями тысяч, то уже не замечаешь ни Джонсов, ни Джонсонов, а видишь одного только автора, и этот автор — народ»⁷⁰. И это — «свободный и сильный народ», а английский солдат — «благородный» и «доблестный военный соратник» России, он «чувствует себя рыцарем». По своему духу книга Чуковского не могла не получить благожелательных рекомендаций официальных властей. И действительно, Министерство народного просвещения признало ее заслуживающей «внимания при пополнении ученических библиотек средних учебных заведений, учительских семинарий, <...> бесплатных народных библиотек и читален, а также подлежащей допущению в ученические библиотеки высших начальных училищ»⁷¹. Военное министерство рекомендовано ее «для чтения в частях войск, учреждениях военного ведомства и лечебных заведениях»⁷².

По мере продолжения военных действий и накопления усталости от войны репутация англичан как союзников России оказалась под угрозой. В общественном сознании вновь проявилась тенденция к недоверию англичанам, к подозрению их в стремлении переложить все жертвы и тяготы войны

⁶⁹ Чуковский К.И. Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне. Пг., 1915. С. 3.

⁷⁰ Там же. С. 6–7.

⁷¹ Рекламное объявление о новых изданиях // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 12.

⁷² Русский Инвалид. 30 декабря 1915 г.

на русскую чашу весов. Граф Бенкендорф, посол России в Великобритании, для корректировки ситуации высказал даже предложение «стимулировать субсидиями» нужный тон российской прессы»⁷³. И для этого были предприняты специальные усилия со стороны обеих стран.

В феврале — марте 1916 г. по приглашению британского правительства группа русских журналистов и писателей совершила пятидневную ознакомительную поездку в Англию. Гости встречались с государственными деятелями, с военными руководителями, с писателями и учеными, ездили на фронт. Все участники группы опубликовали свои впечатления в русских газетах и журналах. Отец будущего писателя и один из учредителей и руководителей кадетской партии В.Д. Набоков представлял газету «Речь», К.И. Чуковский — еженедельный журнал «Нива». Эта поездка, — отмечал Набоков, — «не только открыла перед нами неисчерпаемые богатства Англии, умелость организации, силу и крепость духа, бодрую готовность англичан на дальнейшие жертвы, на новые усилия, ведущие к победе. Она — кроме всего этого — протянула между нами какие-то невидимые нити, сблизила нас в наших душевных чувствах и стремлениях. Первая по времени, она заложила хорошее основание для дальнейшего более тесного и всестороннего единения культурных сил наших двух народов»⁷⁴.

Как и Набоков, часть вынесенных из поездки разнообразных впечатлений Чуковский собрал в книге путевых очерков «Англия накануне победы»⁷⁵. На ее страницах Чуковский досказал то, чем не успел поделиться с читателями в своей книге — «Заговорили молчавшие!». И хотя в ней нет особой системы в отборе сюжетов, но рассказанное об англичанах отличается теплотой и доброжелательностью. Книгу выделяет и еще одно отличие: детальный рассказ о массовой тяге англичан к постижению России, что должно было произвести самое теплое впечатление на российского читателя. По впечатлени-

---

⁷³ Цит. по: *Сорока М.Е.* «Просвещенные мореплаватели»: англичане в восприятии русских до и во время Первой мировой войны // *Российская история.* 2010. № 5. С. 54.

⁷⁴ *Набоков В.Д.* Из воюющей Англии: Путевые очерки. Пг., 1916. С. 13.

⁷⁵ *Чуковский К.И.* Англия накануне победы. Пг., [1916].

ям Чуковского, «повторился потоп: всю Англию залило книгами о России, о русском народе!». Эта литература, российских авторов в переводе и собственно английская, став следствием всеобщего интереса к России, помогала англичанам найти в ней привлекательные черты, каких нет в европейских странах. Некто Гарстин в своей книге «Дружелюбная Россия» пришел к выводу: «Много в России плохого, но она вся человечна, а ведь это важнее всего»⁷⁶.

Крупной пропагандистской акцией стал визит в Англию в апреле 1916 г. парламентской делегации из десяти депутатов Государственной думы и шести членов Государственного совета, сопровождавшийся приемом Георгом V, посещением палаты общин и палаты лордов, беседой П.Н. Милюкова с министром иностранных дел Э. Греем и многочисленными встречами кулуарного характера. Наконец, были предприняты меры для расширения научных связей России и Англии. С этой целью в мае 1916 г. Академия наук учредила специальную Комиссию и утвердила программу проведения совместных научных мероприятий. Так английские историки посетили Петроград, а летом 1916 г. российские историки и общественные деятели — Кембриджский университет. На специальной церемонии А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков, П.Б. Струве и Р.В. Дмовский были удостоены звания его почетного доктора. На страницах кадетской газеты «Речь» ее постоянный корреспондент С.И. Рапорт характеризовал прошедшие мероприятия в Кембридже: «Россия и русское настолько преобладало, что можно было подумать, что и само собрание было устроено главным образом из желания сделать комплимент России»⁷⁷. До момента революции, в результате которой к власти в России ненадолго придут либералы-англоманы оставалось несколько месяцев⁷⁸.

---

⁷⁶ Там же. С. 125.

⁷⁷ С.И.Р. Русский сезон в Кембридже (от нашего лондонского корреспондента) // Речь. 24 августа 1916 г. № 232. С. 2.

⁷⁸ Трагические события на фронте способствовали этому. С 1916 г. фронт после кровопролитного отступления лета-осени 1915 г., ставшего для страны началом катастрофы, протянулся по огромной территории от Балтийского моря до границы с Румынией. Позиционная война на русско-германском фронте растянется на два с половиной года.

Тем временем, в связи с распродажей тиражей трех изданий книги К.И. Чуковского «Заговорили молчавшие» к печати было подписано ее четвертое издание, и оно вышло, но датированное 1918 годом⁷⁹. На титульном листе по-прежнему сообщалось, что Главное управление военно-учебных заведений и Главный морской штаб рекомендовали ее для своих библиотек. Однако рекомендации уже потеряли силу: в России после либералов к власти пришли большевики, и Британия более не союзник, а враг. История совершила свой круг. Под влиянием политических событий, военных столкновений, внутренних потрясений образ Англии и англичан, как *Своего*, хотя и *Иного*, складывавшийся усилиями политиков и деятелей культуры, писателей и журналистов, трансформировался не просто в *Чужого*, ведь для англофобов, которые чаще встречались в консервативных кругах теперь уже бывшей императорской России, англичане и раньше были ими, но — в военно-политического *Врага*.

Что касается немцев, то теперь на смену алчному, циничному варвару придет простой германский солдат, сидевший много месяцев напротив русского солдата в окопах. Этот немец — голодный и также ужасно уставший от войны: «Немцы-германцы каждую ночь идут до нас в окопы в плен. Их офицеры бьют за то, что они переходят, а они говорят, что у них хлеба нет. И как они придут, то наши солдаты их накормят и напоят и обратно отправляют, а они говорят так, что нам всё равно помирать что тут, что там. Что хотите с нами делайте, а мы не пойдём назад, лучше мы будем у вас помирать, а назад не пойдём», — пишет русский солдат в письме домой⁸⁰. В таких условиях патриотический пафос борьбы за культуру в союзе с демократическими нациями против «*современных тевтонов с новейшей техникой*», «*варваров XX века*» начал уступать место другому призыву — закончить войну, бороться с теми силами внутри страны, кто развязал кровавую бойню.

⁷⁹ Чуковский К.И. Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне (о письмах английских солдат с войны). 4-е изд. Пг., 1918.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 84.